

М.В. Силантьева

Современные «гуманитарные технологии» в контексте российской действительности

Начнем с грубоватого, но – увы – достоверного утверждения: понятие «гуманитарные технологии» режет слух всякому, кто говорит по-русски без англосаксонского акцента. Однако, быть может, это всего лишь проявление очередных «фобий», играющих в культуре роль «охранительного пояса» по отношению к необдуманному заимствованию чужих (и чуждых) понятий и соответствующих им реалий, благодаря чему своеобразный «национально-культурный иммунитет» удерживается от риска дестабилизации и распада?

Попытаемся максимально беспристрастно разобраться в смысле и значении термина «гуманитарные технологии», не забывая при этом старательно «разводить» те идеологические значения, которые ему приписываются – и те действительные значения, которые за ним стоят. Думается, подобный анализ может послужить не только уяснению бытующих и выявлению скрытых смыслов заметного явления современной российской жизни, но также может способствовать дальнейшему уточнению и детализации существующей сегодня общетеоретической модели идентификационных программ современной культуры.

Прежде чем перейти к изложению идей, раскрывающих суть предложенного исследовательского ракурса, стоит сделать ряд предварительных замечаний. Как и всякая социокультурная диагностика, данный подход не предполагает поиск панацеи, хотя и призван способствовать разработке оптимальной рецептуры по преодолению болезненных явлений современности путем выяснения их причин. Кроме того, сущностное описание духовной среды, созданной силовыми линиями коммуникативных технологий (в числе которых числятся и «гуманитарные») в современной российской культуре сопряжено с исследованием медиа-пространства. А оно своей «политикой промывания мозгов» - совершенно в духе постмодернизма - завоевало дурную славу «превращения журналистики в пиар»; собственно PR-технологий - в рекламу, а образовательной политики (ведущейся под знаком построения «систем качества» в духе «менеджмента качества») – в процесс, получивший в преподавательской среде устойчивое название «развал образования». Все эти прискорбные явления нашей жизни, однако, - именно ее «среда», не считаться с которой невозможно. Как невозможно списать ее возникновение исключительно на злой умысел неких злонамеренных сил.

Попытаемся разобраться в духовных основаниях перечисленных социокультурных явлений и процессов, имея в виду также активно осваиваемую сегодня культурологией нишу, ориентированную на создание более «экологически сбалансированных» социокультурных программ, позволяющих корректировать сами «гуманитарные технологии» с учетом особенностей России и русской культуры. И – направленных на последовательное «гуманитарное» поддержание в ней тех образов и идей, которые связаны с ее удивительной, - несмотря ни на что, - жизнеспособностью и духовной устойчивостью¹.

Итак, что же такое «гуманитарные технологии»? Наиболее типичные рассуждения, предлагаемые в работах современных российских авторов таковы (приведем фрагменты полностью, поскольку они очень показательны): «Если исходить из названия, то

¹ См., например: Фалин В.В. Социокультурный аспект изучения коммуникационных процессов в современном российском обществе. Автореф... кандидата культурологи. М., 2009.

гуманитарные технологии – это технологии, ориентированные на развитие человеческой личности и на создание соответствующих условий для этого. Другими словами – это способы совершенствования моральных и этических норм, способы развития интеллектуального потенциала и физического состояния», - полагает Н.А. Кузнецова, автор статьи в журнале «Эйдос»². При этом подчеркивается инновационный характер гуманитарных технологий: «Гуманитарные технологии — это технологии инноваций, производство новых способов деятельности. Инновация — это новый способ думать и делать. Причем в этом определении важны оба слова — и «думать», и «делать». Появление нового способа деятельности предполагает новый взгляд, новое представление о реальности. Новый взгляд рождается тогда, когда человек имеет возможность получать новую информацию и знания, которые и формируют его действия, его представления — когда человек знает, где и какая информация и знания ему нужны для принятия решения»³.

Некоторые исследователи прямо говорят об особой «философии», которая стоит за понятием «гуманитарные технологии». Так, О.С. Мартьянова описывает их как «способы влияния на определенные сообщества: в случае PR это – влияние на целевые группы; в случае педтехнологий – влияние на группы студентов»⁴. В любом случае, по ее мнению, «объединяющий смысл» данного понятия раскрывает его как «новый тип управления процессами через влияние, мягкое взаимное воздействие сторон, групп и отдельных лиц друг на друга, при котором средства прямого авторитарного давления не рассматриваются в качестве инструмента управления». Соответственно, столь усиленно прививаемый вузам сегодня «менеджмент качества» - это, по мысли цитируемого автора, ни что иное, как «философия организации», прямо обозначенная как «работа с нормами и ценностями», «мировоззрением»⁵.

Важный аспект, помогающий точнее понять сущность процессов, с которыми сопрягаются «гуманитарные технологии», - аспект профессиональной адаптации. Здесь становится заметным тот факт, что современная культура настойчиво предлагает социальному субъекту опираться не на бесконечно расширяющуюся сферу эрудиции, а, скорее, грамотно управляться с уже имеющимся объемом знаний, продуктивно определяя те направления, в которых необходимо увеличение (или, наоборот, сужение) информационного потока (преимущественно инновационного, т.е. постоянно *качественно* обновляющегося). Важнейшей стороной «технологичности» подобного рода является умение распределять и перераспределять информацию с целью достижения конкретных практических результатов («умения», прочно связанные в сознании специалистов в сфере «гуманитарных технологий» с «компетенциями»).

Другой немаловажный аспект – повышение психологической устойчивости личности, подвергаемой сегодня разрушительному прессингу со стороны «информационного общества». Именно «управление знанием», с точки зрения специалистов (психологов, социологов, культурологов) дает ей «дополнительную плавучесть» в бурном потоке информации, помогает приспособиться к стремительно изменяющейся среде и «принимать решения в условиях неопределенности». Правда, следует обратить внимание на присутствующий здесь скрытый парадокс: технологии (т.е., по сути, алгоритмы) предполагается применять в ситуации, изначально неалгоритмизированной и даже принципиально неалгоритмизируемой.

Итак, «гуманитарные технологии» рассматриваются как максимально возможные «гарантии», динамически «оберегающие» сознание современного индивидуума и вместе с

² Кузнецова Н. А. *Расширение гуманитарных технологий на основе компетентностного подхода.* // Интернет-журнал "Эйдос". - 2006. - 1 сентября. <http://www.eidos.ru/journal/2006/0901-3.htm>.

³ Там же.

⁴ Мартьянова О.С. Менеджмент качества как гуманитарная технология.

<http://quality.petrso.ru/file/206/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%84.ppt>

⁵ Там же.

тем помогающие ему «устроиться», закрепиться во все более агрессивной информационно-насыщенной среде. К слову, данная проблематика затрагивает не только достаточно подробно разработанную на сегодня тему «бесчеловечности индустриальной эпохи». Скорее речь идет о «постиндустриальном» состоянии, которое в России оказалось связано с собственно техническими и технологическими успехами в минимальной степени, вместе с тем заполучив «в актив» все их «негативные» последствия. В последнее время теоретики «информационного общества» склонны особенно подчеркивать ту роль, которую играет в этом процессе качественное перерождение современного знания, ставшего «капиталом» и, одновременно, - инструментом откровенно манипулятивного управления. Субъект-субъектное взаимодействие «мягкого» типа в этой среде, конечно, много шире сферы «пиара» и педагогики. По сути, оно может быть применено (и применяется!) в любой коммуникативной ситуации, где может присутствовать деятельностный аспект. В том числе – в деловых отношениях, госуправлении и т.д.

Подводя итог «поиску общего понятия» о «гуманитарных технологиях», стоит, видимо, остановиться на утверждении, что их следует рассматривать как ***приемы, методы и средства трансляции и реализации управленческих решений, опирающиеся на ценностный пласт сознания индивидов и групп***. При этом следует особенно подчеркнуть тот факт, что «ценностный пласт сознания» представляет собой сложную систему, где в равной мере представлены *рациональный* и *эмоциональный* элементы; а также *сознательный* и *бессознательный* уровни психики.

Сознательное и бессознательное, в свою очередь, транслируют определенные шаблоны оценки индивидуального и коллективного типов, что позволяет выделять «срез» личных ценностей как, с одной стороны, представленных в *общественном сознании* и интериоризированных индивидуумом; а, с другой стороны, как имеющих распространение в *коллективном бессознательном* («национально-культурный менталитет») и также присвоенным индивидуальным сознанием в качестве собственного имманентного содержания.

Более того, на определенном этапе «зрелости» личности можно говорить о формировании у нее особого уровня присутствия в сознании «моральных абсолютов» - «сверхценностей». Уровень этот нельзя рассматривать как «продукт» антропологического развития; он в значительной мере трансцендентен такому развитию (вспомним парадоксы, связанные с идеей существования «морального абсолюта» как «малого я»; а также рассуждение Канта об автономии практического разума, описывающее философским языком учение о «дарах», – в частности, даре свободы). Заметим, кстати, что принципиальный отказ считать допустимым существование подобных трансценденций равносителен ошибке солипсизма. Как минимум, помимо самого вопрошающего о своей структуре сознания логично допустить существование чего-то иного, – например, другого сознания, или же отличной от сознания вещного инобытия. По сути, речь идет о «точке самосознания» личности, о «внутреннем я» человека.

В рамках определенной традиции, особенно важной для русского национального самосознания, можно именовать этот уровень сверхценностей «духовным ядром личности». Раскрываясь через ценностный пласт сознания, духовное ядро, тем не менее, никоим образом не сводится к самим ценностям, через которые реализуется, но с которыми не совпадает. Проще говоря, вне специализированной «оптики» (например, философской или соборно-церковной) различие между ценностями и «сверхценностями» неуловимо. Не способствует различению этих двух уровней ни экзальтированное неофитство, ни примитивный «кустарный атеизм», свойственный массовому сознанию представителей «общества потребления». Оба эти подхода абсолютизируют чувственную составляющую «притяжения» к «сверхценностям» (которые потому и «сверх-», что, существуя не только в сознании, не могут быть «приватизированы» им). Интересно, что для более «продвинутых» версий секулярной культуры характерно стремление *научно* обосновать (средствами психологии, культурологи и т.п.) описанную выше разницу

между «объективным духом» и субъектными его «раскрытиями» на индивидуальном и групповом уровнях.

По сути, современные психотехники, часть из которых востребована и «гуманитарными технологиями», вторгается именно в это сложное переплетение сознания и самосознания, ценностей и духовных координат.

Наиболее заметным образом данное «вторжение» проявлялось и проявляется в настойчивых попытках государственной власти политизировать религиозные институты⁶ - с целью создания адаптированной к нуждам социума, управляемой идеолого-психологической системы «коррекции» поведения индивидов (вспомним Вольтера с его утверждением о моральной и социальной востребованности религиозного сознания).

При этом следует подчеркнуть, что «парадокс власти»⁷, требующий от вовлеченных в нее субъектов принимать ее как жертву и ответственность, а не как субъективную самореализацию, заставляет и сегодня многих достойных людей в России отступить от ее бремени. Здесь, однако, скрывается ловушка: отказ от труда, в том числе, труда социальной организации, сопоставим с отказом от спасения⁸. На современном уровне социокультурной диагностики и проектирования российская управленческая элита отчетливо понимает, что отсутствие явно артикулированного «упора» на «сверхценности» плохо влияет на социальную адаптивность личности. Именно сюда и пытаются внедрить практику использования «гуманитарных технологий», - например, активируя идею официальной религиозности. Пиар-проекты СМИ с некоторой периодичностью демонстрируют участие государственных чиновников в богослужениях, тем самым приближая их имидж к народному сознанию (поскольку православие остается на сегодняшний день доминирующей ценностью русской культуры). Показательно: при заполнении заявления на получение российского гражданства респондент по желанию может заполнить графу «вероисповедание».

Правда, при использовании подобных «пиар-ходов» часто осуществляется осознанное «уплощение» духовной парадоксалистики до однозначно понимаемых «метафор», «установок» и «посылов»; а также методов оценки поведения и оснований служебного продвижения. Таким образом на «субстрате» духовности искусственно формируется пространство идеологии⁹.

Речь может идти даже об определенных психотехниках, позволяющих направить энергию сублимации в русло политического или социального действия¹⁰, что, как правило, приводит к временному «скачку» производственной активности в массовом масштабе. Однако ценой такого «энергетического всплеска» становится расшатывание «устоев» психосоциальной адаптивности. Проще говоря, «внедрение» (неизбежно в данном случае манипулятивное) на уровень базовых ценностей («сверхценностей») личности оказывает пролонгированное разрушительное действие, прежде всего, на ее психосоматику. При этом сферы «ценностей» и «сверхценностей» часто не только не разводятся, но и не различаются, что влечет дополнительные трудности по экспертной «квалификации» допустимости тех или иных ценностных «техник».

Напомним: манипуляция – это скрытое психологическое воздействие с использованием эмоций (чувств) партнера, с целью получения выгоды источником манипуляции. Психологи отмечают, что выгода от манипулятивного воздействия не всегда носит односторонний характер, она может оказаться обоюдной. Поэтому в психологии подобная практика не всегда рассматривается как этически некорректная. К

⁶ Филатов С.А. Традиционные религии, «русская цивилизация» и суверенная демократия, Религия и конфликт. М., 2007. С.17, 41 и др.

⁷ Доброхотов А.Л. Белый царь, или метафизика власти в русской мысли, Избранное. М., 2008. С.114-117, 158-160, 165.

⁸ См.: Там же. С. 163.

⁹ Доброхотов А.Л. Ук. Соч., С. 136-143.

¹⁰ Королев С.А. Московские письма / Королев С.А. Донос в России. С.109-159.

тому же, как уже отмечалось выше, манипулятивный «оттенок» носит, по мнению специалистов, почти любая коммуникация, – постольку, поскольку она имеет эмоциональный подтекст (за исключением, разве что, сугубо делового письма).

С другой стороны, в случае «выведения на свет Божий» тех импульсов, которые скрыты в сознательно манипулятивном воздействии, оно зачастую перестает быть манипуляцией в строгом смысле этого слова¹¹. Безусловно негативный оттенок в русской лексике данное понятие носит, видимо, именно из-за своей сопряженности с запрещенным приемом – внедрением в область духовного самоопределения, посягающее на дар свободы. Стоит отметить, что «социальное измерение» внутри церковного тела не исключает случаев подобного воздействия, – но всегда предполагает его осмысление, дезавуирующее разрушительное действие духовной манипуляции.

Нельзя согласиться с теми авторами, которые категорически настаивают на «принципиально неманипулятивном» (в отличие от психотехник) характере «гуманитарных технологий»¹². Даже диалогизм, заявленный в качестве основополагающего принципа функционирования последних, не может отменить очевидного: как технологии воздействия (даже взаимного) и как технологии управления (пусть даже мягкого) эти «пути влияния» обречены «способствовать достижению поставленных целей» за счет внедрения в ценностный пласт сознания, где присутствуют не поддающиеся тотальной рефлексии чувства. А это – всегда манипуляция, – связано ли такое внедрение с корыстным (например, политическим) или бескорыстным (например, педагогическим) расчетом.

Итак, непосредственно на уровне «сверценностей» духовного порядка манипулирование (даже в скрытом виде, по принципу «от противного») недопустимо. Логическое основание этой заповеди подробно изучено в античной философии, обосновавшей моральный и сакральный запрет на то, чтобы «делать ложь похожей на истину».

В Новейшее время данная проблематика была весьма подробно изучена той ветвью русской религиозной философии, которая опиралась на святоотеческое наследие, раскрывая новые смыслы свободы, обозначившие себя в 19 – первой половине 20 вв. («Братья Карамазовы» и «Бесы» Ф.М. Достоевского, «Экзистенциальная и диалектика божественного и человеческого» Н.А. Бердяева и т.д.). В свою очередь, психологическое основание запрета вторгаться в личностно значимый пласт «ценностных оснований» ее духовного бытия в полной мере стало предметом *научного* внимания только в наши дни. Напомним: оно, по сути, носит характер медицинской рекомендации – манипуляции самосознанием наносят ущерб (иногда непоправимый) целостности сознания, всей душевной организации человека. Причем не только того, кем манипулируют, – но и того, кто манипулирует. В то же время общение неманипулятивного духовного характера, описанное авторами 19 – 20 вв. (включая Н. Бердяева, К. Ясперса, Х. Яннараса, С.А. Чурсанова¹³ как «экзистенциальная коммуникация», общение по принципу когерентности) – предмет заботы культуры и Церкви в равной мере. Но это – тема совсем другого исследования

Итак, запрет манипулятивно вторгаться в «точку кристаллизации» души, ее духовно-свободное ядро – абсолютный запрет, имеющий для русского самосознания решающее значение. Знаменитое: «Ты меня уважаешь?...», – на самом деле «про это». Без понимания данной черты русской культуры здесь бессмысленно уповать на успех любых

¹¹ См.: Устинов Д. http://www.google.ru/url?q=http://www.for-real-man.info/content.php%3Fid%3D92&ei=m03kSbbMM4S4_Ab2xtGgCQ&sa=X&oi=spellmeleon_result&resnum=1&ct=result&usq=AFQjCNHVvdR5swQg5fXI8_k73EjdysKvIg

¹² Например, Н.А. Кузнецова, Ук. соч.: «Гуманитарной технологии свойственна открытость целей работы с человеком, отсутствие манипулятивности в деятельности педагога. Открытость возможно обеспечить через прояснение целей, возможность их коррекции, изначально заложенную в алгоритм технологии. Постоянная диагностика выполнения замысла позволяет выявлять и устранять ошибки, корректировать процесс обучения и получать желаемый результат».

¹³ См.: Чурсанов С.А. Лицом к лицу. М., 2008. С.17-52, 114.

социально значимых технологий, - даже давая сиюминутный эффект, они «рубят сук», системно разрушая сознание тех, на кого направлены. Эти выводы должны быть усвоены разработчиками очередных гуманитарных инноваций на отечественной почве в том случае, если они хотят действительно выполнять задачи «повышения качества», а не его окончательного разрушения.

Приведем несколько примеров разного типа коммуникативных актов, где, по мнению исследователей, так или иначе присутствует элемент манипуляции, лишенной напрямую «негативных» ассоциаций, о которых шла речь выше. Так, обращаясь к анализу педагогического воздействия на ту или иную аудиторию, следует иметь в виду, что изначально «коммуникативная диспозиция» предполагает более высокий статус рефлексии и владения ситуацией у того, кто подобное воздействие осуществляет, - в сравнении с тем, на кого оно направлено. В противном случае не может быть достигнута поставленная цель: студент, который берет на себя психологическую и организационную роль педагога – нонсенс не потому, что кто-то против инновационных методов обучения, но потому, что человек, оказавшийся в позиции студента, «по определению» не соответствует подобной заявке.

Любой оратор – лектор, политик, продавец (независимо от того, «дилер» он, «брокер» или пока еще экзотически звучащий «девелопер»), телеведущий и т.п., - всегда, вольно или невольно, осуществляет программу целенаправленного воздействия на аудиторию, включающую наличие «неявного эмоционального пласта» скрытых от ее понимания и осознания процессов. Это может быть симпатия или антипатия по отношению к оратору, эмоциональная оценка его интеллектуальной, психологической, гендерной и т.п. привлекательности; весомости излагаемых идей, приемлемости методов подачи материала и т.д. Провоцирует активизацию бессознательных эмоциональных реакций (в том числе, реакций на информацию) также свойственная людям как социальным существам эмпатия (чувство сопереживания и эмоционально-психологической солидарности, связанное с умением проникаться состоянием другого человека). Таким образом, можно согласиться с тем, что манипуляция – элемент практически любого направленного воздействия. Но чем же отличается «сегодняшний» ее вариант от тех, которые имели место прежде?

Не вызывает сомнения, что иное - в сравнении с нынешним, - состояние знания в «классической» культуре Просвещения и основанных на ее интенциях «традиционных» педагогических и социальных стратегиях (пока еще не технологиях, т.е. пока еще не имеющих жесткой взаимозависимости целей, предпосылок и средств) предполагало и качественно иные методы трансляции такого знания.

Так, в «классической» схеме российского образования¹⁴ отношения «педагог - учащийся» достаточно четко иерархизированы. Педагог – тот, «у кого есть», учащийся – тот, «у кого нет». Разумеется, это не исключает (и даже предполагает) обратное влияние учащегося на педагога. Как выражался кто-то из классиков, «не страшно незнание, страшно нежелание узнать». Интерес, замечания и внимание учащегося побуждают преподавателя не только «совершенствовать свои знания» (как это не раз отмечалось в соответствующих документах руководящего характера), но также искать «новые формы и методы» общения с аудиторией.

Понятно, что подобное общение принципиально диалогично – в противном случае перед нами профнепригодный субъект, а не преподаватель. Однако существенной особенностью и «новых», и «старых» «классических» методик остается при этом их *содержательный характер*, полностью формализовать который (читай: предложить технологически выверенный алгоритм) невозможно.

¹⁴ См.: Кучмаева И.К., Расторгуев В.Н. Природа самоидентификации: русская культура, славянский мир и стратегии непрерывного образования. М., 2004. С.51-120.

Вторжение в ценностный пласт личных переживаний также имеет место в момент проведения в социальной среде любого управленческого решения. Однако оно опосредовано здесь совершенно определенной, веками отработанной формой трансляции коллективного бессознательного, управляемого государственной идеологией, более тысячи лет поддерживаемой в русской культуре социальной и духовно-просветительской работой Церкви. Существенным ориентиром церковной практики, на мой взгляд, можно считать строгое, философски достоверное и психологически корректное различие «абсолютного» пласта сверхценностей - и собственно ценностных ориентаций, о котором шла речь выше. В определенном смысле именно Церковь оказалась сегодня чуть ли не единственной хранительницей памяти о необходимости такого различения. С этой точки зрения ее историческая миссия в рамках секулярной культуры еще далека от своего завершения. Интересно, что приемы проведения управленческих решений внутри церковного организма отличаются почти военной четкостью, их формулировка – императивностью; неисполнение влечет наказание. Все это мало похоже на «гуманитарные технологии», - и слава Богу! При этом «внешняя» социальная политика Церкви изначально не направлена на то, чтобы заместить собой соответствующие функции государства, хотя социальная поддержка незащищенных групп населения – именно духовная, а не только сугубо социальная, задача Церкви.

Обратим также внимание на непростое сочленение того, что мы условно обозначили как «духовно-просветительскую работу» Церкви - и того, что является в полном смысле государственной идеологией. Первое представляет собой по виду мягкую, а на деле очень жесткую систему «правил» жизни в свободе, имеющую некий внешний «рисунок», следуя которому ее не всегда можно распознать в среде социальных коммуникаций. Второе есть ни что иное, как официально исповедуемая система ценностей, декларируемых в качестве таковых. В идеале первый и второй «ряд» могут быть изоморфны друг другу, но никогда не могут ни совпадать, ни «вытекать» одна из другой: «Богу – Богово, а кесарю – кесарево». Как отмечают специалисты, именно в этой позиции – суть принципа «симфонии властей»: власть «мирская» и власть духовная не могут совпадать, потому что каждая из них решает свою задачу. При этом наличие воли к их «согласию», как в свое время подчеркивал Вл. Соловьев, - это усилие предотвращения «ада на земле». Именно такое усилие (а вовсе не построение земного рая), по мнению русского философа, и является задачей государства¹⁵.

Наш век принес в социальные и педагогические методы невиданные прежде скорости в распространении информации. Это потребовало возрастания скорости ответных реакций. Что, в свою очередь, вызвало к жизни простейший «инстинктивный» ответ: ведь инстинкт, в каком то смысле, и есть «технология», алгоритмизированный ответ на любой идущий извне стимул.

Одновременно с этим «размывание» информационной среды, делающее ее «рыхлой» и мало достоверной (при почти катастрофическом увеличении объема информации) вызвало потребность в создании мощной институции профессиональных экспертов, взявших, подобно гадалкам в архаических культурах, на себя груз почти беспредельного доверия аудитории. В плане изменения источников, агентов и субъектов информационного воздействия можно констатировать, что с институализацией СМИ данная среда получила манипулятивный доступ не только к официальному и деловому общению, но также к интимной сфере бытовой жизни граждан, создавая эффект присутствия, например, телевизионного или компьютерного «глаза» в любой момент «свободного» (прежде) времени.

При этом можно согласиться с известным публицистом С. Королевым, автором книги «Донос в России», высказавшем мысль о принципиальном изменении представлений о пространстве и времени у человека современной культуры (в России – в

¹⁵Ср.: Доброхотов А.Л. Ук. Соч. С.156.

частности). Однако предложенная им интерпретация этих характеристик сознания нуждается сегодня, на мой взгляд, в уточнении. Прежде всего, для среднего представителя современной массовой российской культуры *время* фрагментировано, а не квантовано. Его смысл выражается в предельно материализованном ценностно «заниженном» эквиваленте («сосиска», а не «колбаса», как было прежде). Ругать или хвалить за это «наше время» бессмысленно – в обесмысленном и обесцененном секулярном мире другого времени быть не может. Однако решить проблему, перенося «бремя ожиданий» в потусторонний мир (как это пытаются делать представители некоторых политизированных деноминаций), или - перекладывая на обворованных (прежде всего, за счет экологии) детей, не представляется возможным. В таком состоянии «отсроченного ожидания» Россия жила достаточно долго, особенно в XX веке. В то же время «гнилой» Запад продолжает показывать ей пример не только «сосисочного», но и действительного социального благополучия – этот факт не могут полностью девальвировать никакие идеологические мифы.

Россия сегодня оказалась не только под властью «пиара», «впаривающего» ей нравственное разложение в упаковке «свободы» и идеал «продвинутой» праздности под видом «трудовой этики». Упорное, системное размывание бессознательной компоненты национальной психологии, происходящее через разрушение традиционной информационной среды путем внедрения в нее видео- и аудио- рядов современной рекламы, вписанной в городскую среду, а также в теле- и Интернет- пространство, поражают своим бесстыдством даже видавших виды завсегдаев европейских кварталов «красных фонарей». Иррационализм бюрократической машины порой доходит до предела, за которым бессмысленно искать даже «неклассическую» логику: привитые сознанию индивидуума «гуманитарные технологии» сдвигают принятие решения из поля личной компетенции (и ответственности) конкретного чиновника – во «фреймы» чиновничьих структур.

Педагогическое поле деятельности, в свою очередь, также подвергается атакам «технологизации с человеческим лицом». В качестве примера можно привести вполне серьезное обсуждение вопроса о том, нужна ли математика в школе – или же достаточно факультативного (платного) ее изучения для тех, «кто хочет». Правда, старушка-Европа здесь почти догоняет постмодернистскую Россию. Так, во Флорентийском университете, как говорят его студенты, иностранный язык (например, такой, как русский) изучается два раза в неделю группой от 70 человек. Как говорится, без комментариев... В российских вузах, как известно, пошли еще дальше – например, предложением уравнивать при приеме в бакалавриат ПТУ (ныне «колледжи»), где к сроку обучения добавляется 1 год; - и вузы, не подсутившиеся в добывании лицензии на «открытие» магистратуры (убираем 1 год). При этом 100-балльная рейтинговая система оценки знаний предполагает выделять на «незнание» («2» и «1») 60 баллов, а собственно на знание («3», «4», «5») – оставшиеся 40...

Таких «огрех» - не перечислить. И все же – нужны или нет сегодня гуманитарные технологии?

Позволим себе развернуть вопрос в несколько иную плоскость: возможно ли избежать их присутствия и воздействия? Ответ очевиден. Таким образом, остается констатировать неизбежность процесса технологизации социального управления и педагогики, помноженные в России на такие особенности ее национально-культурного менталитета, как глубоко развитое самосознание, приоритет эмоций, декларация особого статуса духовности в культуре, стремление некоторых политизированных слоев общества к мессианизму имперского типа в сочетании с хронической деструкцией собственного социального пространства.

Нельзя забывать также о вынужденной для подавляющего большинства нашего народа позиции «социальной жертвы» с подорванной верой в свои силы – что выражается, в том числе, в отсутствии реальной востребованности профессиональных знаний и

умений, особенно производственного типа (исключение составляют пока что сферы политики и представительских функций управления, а также ряда профессий, связанных с государственной и частной безопасностью).

Вместе с тем, хотя массовое позитивное отношение к «гуманитарным технологиям» в российском обществе сегодня не могут «сформировать» даже самые мощные из них, россиянам придется и впредь иметь дело с подобными социальными алгоритмами, применяемыми в самых разнообразных контекстах. А это значит, что придется учиться ориентироваться в условиях изменившейся до неузнаваемости «социальной местности» не только «по старинке», «на глазок» (пусть даже очень точный и меткий), но также - работая с теми ее «картами», более или менее достоверными, которые предлагаются в качестве основы социального поведения сегодняшними социальными менеджерами.